

— Потихе... тихе, матушка-барыня, голубочка моя бѣлая...— прошепталъ надъ нею голосъ.—Идите за мною... Кажись, я опоздалъ; всю ночь провозился, едва прокопалъ; земь-то тутъ аспидная, твердая...

Ономасова узнала голосъ стараго преданнаго слуги Гаврилы, который данъ былъ ей матерью въ приданое и жилъ въ усадьбѣ ея мужа. Онъ явился ея спасителемъ. Цѣлую ночь рылъ онъ подкопъ подъ стѣну хлѣва и достигъ своей цѣли...

Понявъ, въ чемъ дѣло, заключенная, въ сопровожденіи Гаврилы, полѣзла изъ хлѣва. Уже разсвѣло, и солнце играло яркими лучами на востокѣ.

— Пѣшимъ намъ придется уходить,—прошамкалъ добрый старикъ,—лошадей нѣтути; гдѣ же было взять?

Задѣми, по огородамъ, бросились барыня съ крѣпостнымъ на дорогу, что есть мочи. Казалось, никто ихъ не замѣтилъ... Гаврило не могъ удержаться и, слѣдуя за Екатериной Николаевной, причиталъ жалобнымъ голосомъ... Часто оглядывались они назадъ, боясь погони... Вдругъ запылила вдали дорога.

— Господи,—раздался отчаянный вопль несчастной,—это они... Что мнѣ дѣлать? Это свекоръ, Аристархъ Петровичъ, съ дворовыми... Головушка моя грѣшная...

Гаврило, дрожа, какъ кленовый листъ, сталъ присматриваться... Погони пока не было. Ёхали двое крестьянъ въ телѣгѣ...

— Сударыня, не они это, успокойтесь... Просто, мужички ѣдутъ... Посмотрите...

Но было поздно. Екатерина Николаевна запаталась на мѣстѣ и упала въ обморокъ. Вѣрный слуга поддержалъ ее, но не могъ привести въ чувство. Не долго думая, собравъ свои послѣднія старческія силенки, онъ поднялъ на руки барыню и поспѣшилъ, крехтя и охая дальше, по временамъ оглядываясь назадъ. Наконецъ, вдали увидалъ онъ и погоню. Скакали во весь опоръ трое всадниковъ. Кто они были, еще нельзя было различить, но Гаврило чутьемъ угадалъ, что гонится Ономасовъ съ дворовыми... Потемнѣло у бѣдняка въ глазахъ... Ноги какъ-то инстинктивно, безсознательно задвигались скорѣе, но къ чему могло повести это?

Видя, что бѣда близко, Гаврило съ драгоценною ношею поспѣшилъ къ находившейся какъ разъ возлѣ дороги усадьбѣ помѣщика Добровскаго. Вскочилъ онъ во дворъ и положилъ Екатерину Николаевну на крыльцо... Выбѣжалъ къ нему самъ Добровскій, жена его, дѣти, сбѣжалась дворня... Кое-какъ, впопыхахъ, рассказалъ Гаврило, въ чемъ дѣло. Добровскій зналъ Ономасовыхъ, даже бывалъ у нихъ... Нужно отдать справедливость этому доброму человеку. Не колеблясь ни минуты, велѣлъ онъ всѣ ворота усадьбы запереть, а дворнѣ вооружиться чѣмъ попало. Кстати, домъ его стоялъ въ усадьбѣ, а усадьба была обнесена заборомъ.